

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕОРГИЯ МАТВЕЕВА О ДАНИИЛЕ ХАРМСЕ

(Публикация А. Л. Дмитренко)

Георгий Николаевич Матвеев (10 (23).4.1901, Владивосток — 10.8.1999, Подрезково Московской обл.) принадлежит к числу наиболее ранних литературных знакомых Даниила Ивановича Хармса.

Это тот самый «приехавший из Сибири бухгалтер Матвеев», участник созданного А. В. Туфановым «Ордена заумников DSO», упоминаемый в мемуарах И. В. Бахтеревым.¹

«Люби поэзию!» — записал Георгий Матвеев в альбом Хармса 26 марта 1925 г.² На следующий год Хармс отмечает в записной книжке адрес Георгия Матвеева: «Владивосток. Мальцевский базар. Мальцевская пл. 17. кв. 8. Г. Н. Матвееву».³

В декабре 1926 г. Хармс включил «Г. Н. Матвеева из Владивостока» в список предполагаемых членов будущего «Фланга левых».⁴ Однако, как явствует из воспоминаний самого Георгия Матвеева, в период между 1925 и 1927 гг. он уехал в Москву, затем перебрался во Владивосток, и общение с Хармсом больше никогда не было возобновлено.

Знакомство Хармса с Матвеевым произошло благодаря брату последнего — поэту Венедикту Марту,⁵ который был крестным сыном отца

¹ *Бахтерев И.* Когда мы были молодыми... // Воспоминания о Николае Заболоцком. 2-е изд. М., 1984. С. 66.

² *Хармс Д.* Полн. собр. соч.: Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подгот. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; Вступ. статья и примеч. В. Н. Сажина. СПб., 2002. Кн. 1. С. 365.

³ Там же. Кн. 1. С. 71.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Венедикт Март (наст. имя и фам. Венедикт Николаевич Матвеев, 1896–1937) до 1917 г. жил в Санкт-Петербурге, затем уехал на Дальний Восток — в Читу, потом во Владивосток, где в типографии отца выпустил под маркой издательства «Хайшин-вей» книги стихотворений «Черный дом» и «Песенцы». В 1919 г. вышла третья книга «Фаин» (совместно с братом Гавриилом). В 1920-е гг. — в Москве и Ленинграде; в 1928 г. арестован за драку и сослан в Саратов; затем обосновался в Киеве, где вернулся к литературной работе. Арестован в 1937 г.; расстрелян. Несколько стихотворений В. Марта вошли в список «наизустных» стихотворений Даниила Хармса, которые он читал с эстрады. См. подробнее: Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. XI. Paris, 1991. С. 523–525. См. также примеч. 12 к тексту воспоминаний.

Хармса Ивана Павловича Ювачева (1860–1940). И.П. Ювачев познакомился с семьей Матвеевых, будучи в ссылке на Дальнем Востоке. Отец Венедикта и Георгия — поэт, журналист и издатель — Николай Петрович Матвеев (1865–1941), более известный по своему псевдониму Николай Амурский, автор книги «Краткий исторический очерк г. Владивостока» (1910) — считается первым приморским историком и краеведом. Матвеев-Амурский является основателем разветвленной династии литераторов: пятеро из его пятнадцати детей посвятили себя литературе: так, кроме упомянутых Венедикта и Георгия эту стезю выбрали Николай (псевдоним Матвеев-Бодрый, 1890–1977), Петр (псевдоним Нон Эсма, 1892–1962),⁶ Гавриил (псевдоним Эльф, 1898–1930-е), сын Венедикта — поэт и переводчик русской эмиграции «второй волны» Иван Елагин (1918–1987),⁷ дочь Николая — поэтесса Новелла Матвеева (р. 1934).

На вопрос о судьбе дяди Новелла Николаевна Матвеева смогла сообщить только, что он прошел Великую Отечественную войну, еще в 1990-е гг. жил в Подмоскovie и что с его семьей по разным причинам она почти не общалась. Однако заметки о Хармсе она очень давно слышала от него изустно.⁸

В 1993 г. в Москве была издана книга «Незабываемая встреча с Сергеем Есениным», в которую кроме воспоминаний и стихов Георгия Матвеева вошли произведения участницы литературного объединения «Химки» поэтессы Елены Борисовны Камшилиной, в 1990-е гг. дружившей с Матвеевым.⁹ Сведения, сообщенные ею и дочерью поэта, позволили дополнить биографическую канву, содержащуюся в книге В.П. Евтушенко «Древо плодоносящее», посвященную династии Матвеевых.¹⁰

Георгий Матвеев учился в прогимназии М.В. Сибирцевой во Владивостоке, некоторое время работал в типографии. В годы Гражданской войны участвовал в Сучанском комсомольском подполье и партизанил в уссурийской тайге. С раннего детства мечтал стать моряком, как его старший брат Игнат (позднее об этом он написал рассказ под названием «Неудачный рейс»), и в течение пяти лет был сигнальщиком на Тихоокеанском флоте. В середине 1920-х жил в Петрограде-Ленинграде, был рабочим. В этот короткий период он и успел пообщаться с Хармсом и Туфановым. С Есениным же виделся единственный раз в Москве — брат Венедикт познакомил их во время случайной встречи на Маросейке летом 1925 г. Побеседовав с «матрогоном» (Георгий был в морской форме) и похвалив его стихи «за динамику», Есенин вместе с братьями Матвеевыми отправился на свое выступление в Дом печати. А потом, раздобыв у какой-то старухи самогон, троица провела ночь на бульваре, и Георгий Матвеев даже померился с Есениным силой.

⁶ См. о нем публ. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова в наст. издании (с. 589–592).

⁷ Иван Елагин о своем знакомстве с Хармсом написал в автобиографической поэме «Память» (1979). См.: *Елагин И.* В зале вселенной. Ann Arbor, 1982. С. 202 и др.

⁸ Запись беседы автора настоящей публикации с Н. Н. Матвеевой 6 апр. 2009 г.

⁹ *Матвеев Г., Камшилина Е.* Незабываемая встреча с Сергеем Есениным. М.: Мортехинформреклама, 1993. [1000 экз.]. 35 с. Имеется второе издание: *Матвеев Г.* Незабываемая встреча с Сергеем Есениным. М.: Испо-Сервис, 1996. [500 экз.]. 12 с.

¹⁰ См.: *Евтушенко В.* Древо плодоносящее: Биография уникальной литературной династии Матвеевых. Владивосток, 2004. С. 84–87.

В 1920-е гг. Георгий Матвеев сотрудничал во владивостокской газете «Красное знамя», опубликовал в хабаровском журнале «Рабочий путь» (1927) рассказ о дальневосточных партизанах «Михайловский бой». В 1927 г. входил в объединение поэтов, созданное во Владивостоке. В том же году участвовал в организации Приморского отделения Сибирского союза писателей. Выступал с чтением стихов в городах Приморья (Уссурийск, Хабаровск). Работал библиотекарем в Хабаровске.

По словам дочери, в 1930-е гг. Георгий Матвеев перебрался в центральную Россию, был работником Культпросвета в избах-читальнях, заведовал сельскими клубами, «поднимал культуру в селах». Написал сотни статей и заметок на темы организации колхозов, электрификации деревни, ликвидации неграмотности, касс взаимопомощи и др. В 1934 г. в Солнечногорском районе Московской области организовал ударные бригады селькоров в газете «Путь Ильича». Состоял в Ассоциации крестьянских писателей при «Крестьянской газете» и как селькор-ударник был направлен на литературные курсы при Союзе писателей. Однако вместо учебы Матвеев ушел с московским ополчением на фронт; воевал в батальоне ополчения в составе 4-й Московской дивизии им. Куйбышева, о чем оставил воспоминания.¹¹ Участвовал в боях под Москвой, в штурме городов Верея и Вязьма, в боях под Нарофоминском, в сражениях на Курской дуге. Был тяжело ранен и остался инвалидом.

В 1980–1990-е гг. жил в подмосковном поселке Новоподрезково, публиковался в районных газетах, участвовал в работе литературного объединения «Химки», издал несколько сборников стихов и воспоминаний.¹² Е. Б. Камшилина вспоминает: «Маленький ростом, хрупкий, с неизменной палкой в руке, зимой — в унтах, он появлялся на улицах Химок, приехав на электричке из Подрезково, чтобы пообщаться с местной интеллигенцией в стенах ЦНИИМЭ¹³ или редакции районной газеты. А если в эти дни бывали концерты, то принимал в них участие, пускаясь в пляс даже в „компании“ цыган. Сдавал машинисткам свои рукописи (в основном стихотворные) и исчезал до следующего

---

¹¹ Матвеев Г. Война: Из записок селькора // Знамя Октября (Солнечногорск Московской обл.). 1991. 25 июня.

¹² Матвеев Г. Было время: Стихи разных лет. М., 1995 (выходные данные привожу по книге В. П. Евтушенко, указанной в примеч. 10); Матвеев Г. Боевые ушли времена... Стихи из фронтового блокнота ополченца 110-й Московской дивизии под командованием [Г.] Б. Петерса. М.: Испо-Сервис, 1998. [500 экз.]. 20 с. В альманахе «Свидания по четвергам» (М.: Шаг, 1995. [700 экз.]. 104 с.) опубликованы рассказы Матвеева «Ветреные дни» (о Павле Васильеве), «Неудачный рейс», «Третий наследник престола» (о детстве на Дальнем Востоке), в альманахе «Предчувствие любви» (М.: Испо-Сервис, 1997. [500 экз.]. 198 с.) — рассказы «Капельмейстер», «Башковитый Тайфун». Несколько стихотворений Матвеева опубликовано в юбилейном сборнике к 50-летию литобъединения «Химки» «Полвека с Химками» (М.: Мультипринт, 2005. [500 экз.]. 310 с.). Е. Б. Камшилина сообщила, что в 1990-е гг. была издана книга Г. Н. Матвеева «Неудачный рейс: Морские рассказы для детей», так же, как и вышеперечисленные, подготовленная литературным объединением «Химки», однако уточнить выходные данные, а тем более познакомиться с этим изданием de visu у меня не было возможности.

¹³ ЦНИИМЭ — Центральный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт механизации и энергетики лесной промышленности. Находится в городском округе Химки Московской области.

приезда. С годами самочувствие ухудшилось (сказалось и ранение в руку — в годы Великой Отечественной войны он был ополченцем, добровольно уйдя на фронт из сходненского военкомата), зрение снизилось до минимального, и в последнее время он уже не выходил из дома. Однако живо интересовался происходящими в стране событиями, литературной жизнью, в том числе и собратъев по перу из литобъединения „Химки“, занятия которого много лет регулярно посещал.¹⁴ По словам близких, Матвеев до конца своих дней сохранял ясный ум и твердую память и умер, не перенеся простуды, на 99-м году жизни.

В архиве литературоведа Анатолия Анатольевича Александрова (1934–1994) сохранилась неавторизованная машинопись воспоминаний Г.Н. Матвеева. Происхождение машинописи неясно: в тексте имеется несколько ремарок-примечаний, подписанных инициалами А.В. Очевидно, некто А.В. и составил машинописный текст, присокупив к рассказу Матвеева также несколько коротких свидетельств, записанных со слов Н.Н. Матвеевой (не воспроизводим как не имеющее отношения к Хармсу) и Н.Н. Матвеева-Бодрого (частично привожу далее в примеч. 6). Судя по ремаркам А.В., текст был написан при жизни Н.Н. Матвеева-Бодрого, т. е. до 1977 г.

В апреле 2009 г. благодаря любезности Е.Б. Камшилиной мы получили текст гораздо более поздней версии воспоминаний Георгия Матвеева о Хармсе под названием «Вы слышали, конечно, слышали!»¹⁵ (датирован 5 февр. 1998 г.), который готовился к публикации в виде отдельной книжки, но так и не был издан. В отличие от первого варианта, он несет следы более тщательной литературной обработки. По фактографической насыщенности эти тексты дополняют друг друга, поэтому здесь и предложена их парная публикация.

Ранний вариант мемуаров был фрагментарно приведен А.А. Александровым в «Краткой хронике жизни и творчества Даниила Хармса»,¹⁶ а полностью опубликован мною совместно с А.А. Кобринским в сборнике, посвященном 65-летию Л.С. Флейшмана «Vademecum» (М., 2010. С. 307–313) по машинописи (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. ф. 678, оп. 1, ед. хр. 100). Поздний вариант публикуется впервые по корректурному оттиску невышедшей книги, предоставленному Е.Б. Камшилиной (Москва). Грамматические и пунктуационные погрешности оригинала исправлены.

Публикатор выражает благодарность за предоставленную информацию Е.Б. Камшилиной, А.В. Крусанову, Г.Г. Суперфину, а также дочери Г.Н. Матвеева Вере Георгиевне Сипяткиной.

---

¹⁴ Камшилина Е. Ровесник минувшего века // Химкинские новости. 2001. 4 сент. № 91 (744). С. 2. Здесь же воспроизведены фотографии Георгия Матвеева в пору обучения в гимназии и в партизанском отряде, а также приведены любопытные подробности встречи с Есениным (очевидно, со слов Матвеева). См. также: Косыгин А. Ровесник века // Вперед (Химки Моск. обл.). 1990. 8 сент. № 108. С. 2; Иванова Г. Книга об отце // Знамя Октября (Солнечногорск Моск. обл.). 1990. 25 янв. № 11. С. 4.

¹⁵ Это странное название, очевидно, представляет собой аллюзию на строчки стихотворения Хармса «Врун»: «Вы знаете? <...> Ну, конечно, знаете!» (впервые: Еж. 1930. № 24. С. 10–11).

¹⁶ Александров А. Краткая хроника жизни и творчества Даниила Хармса // Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1988. С. 539.

I

С Хармсом я познакомился в 1924 году, в то время я работал каталём¹ на фабрике «Свобода», Выборгская сторона.² Адрес его мне дал мой брат Венедикт Март.

Когда я первый раз пришел к Даниилу, он, взглянув на мой костюм, сказал: «Плохой»; вынул из комода лучший, сказал: «Носи на здоровье», и предложил сходить в Филармонию на выступление известного пианиста (фамилии не помню, но, кажется, это был последний его концерт — пианист был болен).

Мы с Даниилом сидели в партере, рядом оказался пьяный, который, заинтересовавшись почему-то мной, спрашивал у Хармса: «Кто такой?» и пытался заговорить со мной. Даниил сунул незаметно мне свою трубку и сказал пьяному: «Это англичанин».

Пьяный не отставал, спросил меня: «Как же живет пролетариат в Англии?». Хармс пояснил пьяному, что англичанин глуховат, а мне на ухо шепнул: «Вери бэд». Я сказал: «Вери бэд», а Даниил тут же перевел: «Пролетариат живет худо». Начался концерт, Хармс сказал: «Пересядем».

Однажды я пришел к Даниилу и застал его в задумчивости сидящим у стола. «Пойдем в турне по Невскому, — предложил Хармс. — Подожди, зайду только в сарай, возьму ножку от стола». Он принес большую, двумя руками не обхватить, ножку, перевернул ее и взял в одну руку: в верхней части ножка была достаточно узкой. Даниил подал мне краски, кисточку и сказал: «Займись искусством — разукрась мне физиономию!».³ Я нарисовал на лбу его кружок, на щеках крестик и кружок, наделал морщин, и мы тронулись. Хармс сунул мне в руки блокнот и сказал: «записывай, что прохожие говорить будут». Мы вышли на Невский, слышались реплики: «Безумец... Футурист... Сбежал из сумасшедшего дома...». Некоторые улыбались: «Каких только чудиков на свете нет», другие смотрели с неудовольствием.

Как-то раз зашел я к Хармсу и спросил, дома ли Даня. Мать ответила: «Ушел и уже час как нету». Я пошел разыскивать его на дворе. Но ни во дворе, ни на улице его не было видно. Случайно взглянул я вверх и увидел Даниила на верхушке одного из деревьев. Сидя там, он размахивал красным флажком. Опять хоть записывай! Слышались реплики, как на Невском. Пожилая женщина, волнуясь и заикаясь, говорила: «Чего он туда залез?». Я сказал: «Даня, слезай». Он махнул рукой: «Некогда». К дереву подходило всё больше и больше прохожих.

Даниил невозмутимо сидел на верхушке. Собралось несколько десятков человек. Хармсу, видимо, всё это порядком надоело: времени прошло с час. Он слез с дерева и сказал: «Сколько же вас зевак собралось!». ⁴

Тогда у него бывал Заболоцкий, Тихонов, ⁵ прочих не помню, хотя народу у него собиралось много. Ходили мы с ним на литературные выступления, на одном из них, помню, выступал Тихонов. Даниил заходил к Клюеву, нравились ему чудачества Клюева: чуть не средневековая обстановка, голос и язык ангельский, вид — воды не замутит, но сильно любил посквернословить. ⁶

Встретил я однажды у Хармса его приятеля заумника Туфанова — ростом малый, горбатый, волосатый и во фраке. В тот раз Туфанов привез книжку о заумниках, ⁷ только что вышедшую. Он говорил на заумном языке. «Если взять четырех младенцев, поселить на островах разных, то каждый из них даст названия солнцу, ветру, луне и т. д. свои. Предлагаю вам писать в той же манере». Мы заумничали, сидели ночами. Вырезали из газет слова, фразы, смешивали их, а потом пытались найти смысл в получившемся.

Бывал я у него часто, ночевал. Учился я в то время на рабфаке и у меня хромала математика, Даниил помогал.

Читали мы Надсона, Тютчева, прочих не помню.

В 25 году я уехал в Москву, больше с Хармсом не встречался.

<1960–1970-е>

II

ВЫ СЛЫШАЛИ, КОНЕЧНО, СЛЫШАЛИ!

(Рядом с Даниилом Хармсом)

Иван Ювачев, политкаторжанин, шел по делу Александра Ульянова. Смертный приговор был заменен ссылкой на Сахалин. ⁸

После ссылки Иван Ювачев, бывший мичман Балтийского флота, жил под надзором во Владивостоке и сотрудничал в газете и журнале, редактором коих был Николай Матвеев-Амурский, мой отец. Они подружились, дружба продолжалась до отъезда Ювачева в Петербург.

В конце 1925 года я демобилизовался с Тихоокеанского флота, жил в Москве и Ленинграде. ⁹ В Ленинграде брат Венедикт познакомил меня с сыном Ивана Ювачева Даниилом.

Мы оба писали стихи, засиживались в комнате Дани до поздней ночи.

Я работал на Выборгской стороне на текстильной фабрике «Свобода» каталом в кочегарке; одновременно учился на рабфаке. В бытность у друга меня поразили светлые глаза Ювачева-старшего — они были как умытые.

— Действительно, я каждое утро умываю глаза — окунаю лицо в тарелку с холодной водой, и они приобретают ясность...

Однажды пришел к Ювачевым, но Даню не застал, мать сказала, что он ушел в лес... Роща была поблизости, углубившись в нее, я увидел толпу людей, взоры которых были устремлены на дерево, где сидел человек, размахивая красным флажком.

— Наверное, тронулся, — слышались реплики.

Я узнал Даню; увидев меня, он стал спускаться с дерева.

— Как легко собрать толпу зевак! — воскликнул он.

Через несколько дней я вновь посетил его. Даня сидел за столом мрачный, в шляпе. В руке держал ножку от стола.

— Что это за оригинал? — спросил я.

— Да вот готовлюсь к походу, а предварительно ты мне, пожалуйста, выкраси лицо под папуаса.

Я взял краски, нарисовал на его лбу красные кружочки, кончик носа — зеленый, подбородок — черный, а на щеках по сердцу. Он взял в рот английскую трубку, неразлучную... Вышли на Невский проспект. Даниил подал мне блокнот.

— Записывай реплики.

И я приступил к секретарской работе. По возвращении в блокноте оказалось несколько реплик, вроде:

— Или футурист, или не все дома, чудак.

Даниил весело смеялся над своим очередным трюком. Я тогда не мог представить, что эти реплики встречу в его стихах.

Эту склонность его к розыгрышам я испытал на себе. Прихожу к нему как-то: сидит мрачный, попыхивая трубкой.

— Георгий, сегодня мы должны побывать с тобой на концерте известного пианиста Ленинградской филармонии.

Я охотно согласился с предложением, Даниил к тому же рассказал, что музыкант болен последней стадией туберкулеза, и это, возможно, его последний концерт.

Одет был я в робу далеко не концертную. Даниил предложил мне один из своих костюмов. Пиджак пришелся впору, но брюки длинноваты.

— Ничего, сейчас подошьем, — сказал Даниил, — но поскольку на тебе английский костюм, вот тебе английская трубка и сделай английский пробор.

...Просидев первое отделение концерта, мы вышли в курительную комнату. С трубкой в зубах, хотя и не курил, я уселся на скамеечку, по-английски нога на ногу. Даня сидел поодаль.

К Даниилу подходили знакомые, по вероятности, заинтересованные моей личностью. Слышу, спрашивают у него:

— Кто это?

Я был ошарашен.

— Английский бизнесмен, ухаживает за моей тетушкой.

К Даниилу подошел высокий гражданин и попросил познакомиться его со мной. Он задал мне вопрос:

— Какова жизнь английского рабочего?

— Подождите, — сказал Даниил, — я ему переведу вопрос.

Английским я не особенно владел, но ответил:

— Вери бед (очень плохо).

— Давай-ка, брат, скорее в зал, — говорит Даниил, — а то нас интервью замучают.

На счастье нам прозвенел звонок, означающий конец антракта...

Посещал Даниила поэт А. Туфанов, автор книги «Как писать заушные стихи».¹⁰ Он инструктировал нас:

— Предположим, вам один год и вы живете на необитаемом острове. Вы еще ничего не слыхали и ничего не знаете: ваша речь только зарождается, поэтому каждый предмет получает свое название.

Мы настолько увлеклись словотворчеством, что посвящали заушным стихам время до полуночи. Эта школа чувствуется в детских стихах Хармса.

Иногда к нам заглядывал отец Даниила. Услышав наши стихи, Иван Павлович хватался за голову и с ужасом уходил в другую комнату.

— Профессиональный революционер, — с иронией говорил об отце Даня, — а каких только попов у него не бывает: сегодня черный, завтра рыжий...

Иван Ювачев веру в Бога сохранил до конца жизни.

С Даниилом мы посещали объединение ленинградских поэтов в те годы, когда в нем звучали голоса Николая Тихонова, Всеволода Рождественского, Александра Введенского.

В 27-м году я уехал на Дальний Восток и встретился впоследствии с Даниилом только в его стихах, большей частью детских, хотя он писал и для взрослых.

Даты жизни Даниила Хармса (1905–1942 гг.) — это уже давно прошедшее время. Чем можно объяснить, что через многие и многие годы Даниил Хармс обрел свое второе звучание? Сам по своим особенностям он был оригинальным и как человек, и как поэт — с очень критичными способностями.

А это прежде всего чувство подлинности жизни, обостренное чувство подлинности и невыносимость ее искажения. За внешним абсурдом пробивалась своя неповторимая сущность, то есть то, что мы привыкли называть характером. <...>¹¹

Мой старший брат, довольно известный в те годы поэт Венедикт Март, навещая Ленинград, не мог не побывать у Даниила, отец коего был другом его отца Николая Петровича Матвеева-Амурского.¹² Отец Хармса Иван Павлович Ювачев сотрудничал в его журнале «Дальний Восток»; он, как и сам автор журнала, был воспитан на поэзии Некрасова и, конечно, не придавал серьезного значения стихотворным упражнениям своего сына.

Но подлинность жизни сказывалась в каждой не очень гладкой строчке Даниила в ее непревратном свете. И когда я, еще в семидесятые

наши годы, обратился с письмом в журнал «Нева», к его редактору Холопову¹³ — на предмет напечатания воспоминаний о Данииле Хармсе, Холопов ответил молчанием. Ответа не было, поскольку дело шло о подлинности жизни, подлинности не очень глубоко уважаемой. По совпадению с фамилией холопы предпочитают жизни действительность, а это далеко не одно и то же, как не одно и то же еждневка и однодневка.

Подлинность бытия Даниил Хармс впечатлял в себя и запечатлял на бумаге из круга жизни; и в этом он был не одинок, вокруг него была целая плеяда звезд, ничего общего не имеющая с абсурдным стихосложением.

Что я могу сказать об абсурдном на первый взгляд псевдониме Хармс? Я знал его не как Хармса, а как Даниила Ювачева, моего друга Даню. В слове Хармс мне слышится слово — гармония. <...>

5 февраля 1998 года

¹ *Kátaly* — чернорабочий на заводе, подвозящий грузы на тачке.

² В более поздней версии воспоминаний (см. ниже) автор указывает, что «Свобода» — текстильная фабрика. Однако текстильных предприятий с таким названием, существовавших на Выборгской стороне в 1920-е гг., найти не удалось (благодарим за консультацию историка-краеведа Т. Н. Гусенцову). Возможно, автор воспоминаний имеет в виду бывшую Охтинскую бумагопрядильную мануфактуру, в 1925 г. переименованную в фабрику «Возрождение» треста «Ленинградтекстиль» (Пискаревский проспект, 3). На Выборгской стороне в указанное время функционировали также Октябрьская бумагопрядильная и ткацкая фабрика и прядильно-ткацкая фабрика «Красный маяк».

³ О раскрашивании лица в стиле футуристов и прогулках Хармса по Невскому в 1920-е г. вспоминают и другие мемуаристы, в том числе Н. А. Зегжда: «Ему было в то время лет 19. Его тетя (Нат. Колюбакина. — А. Д.) <...> рассказывала, что он с приятелями ходит ночью по Невскому, вырядившись под футуристов, в цилиндре, с диванными валиками под мышкой, лазают на фонари и т. п.» (*Дмитренко А., Кобринский А.* Воспоминания Наталии Зегжды, соученицы Хармса // *Авангард и идеология: Русские примеры.* Белград, 2009. С. 457). Ср. свидетельства А. И. Вагиновой: «Хармс ходил в цилиндре по Невскому и ассоциировался с гробовщиком»; П. Н. Лукницкого: «Хармс и Введенского знал году в 24. Тогда они ходили по Невскому с накрашенными губами, напудренные и с мушками» (цит. по записям Т. Л. Никольской 1960-х г., хранящимся в архиве Института изучения Восточной Европы Бременского университета).

⁴ В поздней версии воспоминаний Г. Матвеев описывает этот эпизод более кратко, но с любопытными подробностями (см. ниже). Например, упоминание роши и леса рядом с домом указывает на то, что Матвеев посещал Хармса еще на Миргородской улице, до переезда Ювачевых на Надеждинскую в декабре 1925 г. См.: Хроника жизни и творчества Даниила Хармса / Сост. А. Крусанов // *Хармс Д.* Случаи и вещи. 2-е изд. СПб., 2007. С. 426.

⁵ С Тихоновым и Заболоцким Хармс познакомился в 1925 г. в Ленинградском отделении Союза поэтов. Об обстоятельствах вступления Хармса в эту организацию см.: *Жаккар Ж.-Ф., Устинов А.* Заумник Даниила Хармс: начало пути // *Wiener Slawistischer Almanach.* 1991. Bd 27. S. 166–184; *Кукушкина Т.* Всероссийский союз поэтов, ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы.* СПб., 2007. С. 99. Особенно подробно эта тема рассмотрена в публикации Т. А. Кукушкиной в наст. издании (с. 542–588).

⁶ В публикуемой машинописи приведен также небольшой текст устных воспоминаний Н. Н. Матвеева-Бодрого, где о Клюеве сказано следующее: «Очень часто бывал у них (в семье Ювачевых. — А. Д.) Клюев. Жена Ивана Павловича любила поговорить с ним. Клюев вел себя с ней скромником, говорил на божественные темы, держался благочестиво, но тут же, зайдя в комнату Дани, мог запустить таким матерком!...». Об отношениях

Хармса с Клюевым см.: *Кобринский А.* Даниил Хармс. М., 2008. С. 104–107. («Жизнь замечательных людей»).

⁷ Речь идет о книге: *Туфанов А.* К Зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем. Пг., 1924. (На обложке: «К Зауми: Стихи и исследование согласных фонем».) Известны дарственные надписи на этой книге, датированные декабрем 1923 г.; они адресованы М. М. Шапской (собрание И. Е. Прудникова, Санкт-Петербург) и А. С. Долинину (см.: *Никольская Т. Л.* Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 179). Если верить словам мемуариста о том, что книжка Туфанова «только что вышла», дату знакомства Георгия Матвеева с Хармсом можно отнести к 1924 или даже к концу 1923 г.

⁸ Ивана Павловича Ювачева (1860–1940) и Александра Ильича Ульянова (1866–1887) связывает лишь факт участия (в разное время) в революционно-народническом движении. И. П. Ювачев был арестован в 1883 г., судим на так называемом «процессе 14-ти» за причастность к одной из народолюбческих террористических организаций, 28 сент. 1884 г. приговорен к смертной казни, которая вскоре была заменена бессрочной каторгой. С деятельностью А. И. Ульянова, организовавшего в 1886 г. «Террористическую фракцию „Народной воли“», И. П. Ювачев не был связан и по делу Ульянова не проходил. Наиболее подробные, основанные на архивных источниках биографические сведения о И. П. Ювачеве см.: *Кавин Н.* Путь духовного писателя Ивана Ювачева // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2008. № 32. С. 95–111; *Шубинский В.* Даниил Хармс: Жизнь человека на ветру. СПб., 2008. По указателю.

⁹ Если мемуарист не ошибается, то, значит, знакомство произошло, когда Матвеев был не демобилизованным. В ранней версии воспоминаний (см. выше) Матвеев пишет, что познакомился с Хармсом еще в 1924 г.

¹⁰ См. примеч. 7.

¹¹ Здесь и далее опущены рассуждения автора о художественном творчестве, а также стихотворение знакомого Г. Н. Матвеева поэта П. В. Романенко.

¹² Один из визитов В. Марта с сыном (будущим поэтом Иваном Елагиним) на Надеждинскую улицу описывает И. П. Ювачев в дневнике 7 янв. 1933 г.: «Пришел со своим сыном Венедикт Никол^аевич Матвеев (Март). Я повел Матвеева к Дане. Там он и пробыл до 9-го часа. Послали за вином и водкой... Венедикт все время зовет меня „Крестный“, говорит, что зарабатывает 1000 р^{ублей}. Женился второй раз на певице Клавдии Ивановне в Киеве. Она, по его словам, очень религиозная особа. Он очень развязно себя держит» (цит. по автографу из собрания публикатора).

¹³ Автор мемуаров, по-видимому, путает название журнала: прозаик Георгий Константинович Хóлопов (1914–1990) в 1957–1989 гг. был главным редактором журнала «Звезда».